

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик

Ссылка для цитирования: Мастикова Н. С., Фадеев П. В. Кто настроен против иммигрантов в России? Анализ некоторых социально-демографических характеристик // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 4. С. 99–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

For citation: Mastikova N. S., Fadeev P. V. Who is set against migrants in Russia? Analyzing certain socio-demographic characteristics. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 99–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

**Мастикова
Наталья Сергеевна,**

Институт социологии ФНИСЦ РАН, ГАУГН,
Москва, Россия

navor@bk.ru

AuthorID РИНЦ: [725230](#)

**Фадеев
Павел Васильевич**

Институт социологии ФНИСЦ РАН, ГАУГН,
Москва, Россия

erving45@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [799093](#)

Аннотация. В статье анализируется связь между социально-демографическими характеристиками (пол, возраст, уровень образования, тип поселения, семейное положение) и отношением россиян к иммигрантам. Авторы указывают, что в России на протяжении десяти лет (2006–16 гг.) более 60% респондентов негативно оценивают отношение к изменениям, привносимым в нашу страну иммигрантами, что актуализирует потребность в изучении группы носителей наиболее негативного отношения, которая рассматривается в качестве латентной угрозы стабильности общества.

На основе анализа современных научных работ показано, что в большинстве исследований социально-демографические переменные используются в регрессионных моделях, но они вводятся в уравнения без изначальных теоретических предположений, полученные результаты не обсуждаются, а просто констатируются. Таким образом выявлено, что результаты исследований связи социально-демографических характеристик и отношения респондентов к иммигрантам противоречивы и во многом зависят от контекстных факторов (например,

изучаемой страны, её культурных и исторических особенностей).

На данных Европейского социального исследования (2018 г.) с помощью метода деревьев решений (CHAID) проведён анализ связи социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам с целью выявления группы носителей наиболее негативного отношения к иммигрантам в России. Показано, что такой группой являются женщины в возрасте 60–69 лет с общим средним уровнем образования, проживающие в больших городах и их пригородах. Делается предположение о возможном воздействии СМИ, нагнетающих «иммиграционную панику» на данную группу населения.

В целом анализ показал, что связь социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам не является константной закономерностью. Результаты и направление связи меняются в зависимости от года исследования, от контекста, политической обстановки и других факторов. Единственным исключением является направление связи уровня образования и отношения к иммигрантам: во всех рассмотренных в статье исследованиях высокий уровень образования всегда связан с положительным отношением к иммигрантам. В заключение рассмотрен потенциал качественных методов как возможного варианта дальнейшего изучения темы, а также роль СМИ в формировании образа иммигрантов в общественном сознании.

Ключевые слова: иммигранты, Европейское социальное исследование, социально-демографические характеристики, метод деревьев решений CHAID, отношение к иммигрантам, контекстный фактор, СМИ

Введение

В предыдущих работах нами уже было рассмотрено влияние различных факторов на отношение россиян к иммигрантам на данных Европейского социального исследования (далее ЕСС)¹. Было выявлено, что в России с 2006 по 2016 гг. преобладает негативное отношение к иммигрантам, более 60% россиян считают, что переселенцы оказывают пагубное влияние на экономику, культуру и жизнь в России в целом [Мастикова 2019: 164]. Под «отношением» в данной работе понимается «склонность человека реагировать с определённой степенью благоприятности или неблагоприятности на объект, поведение, человека, событие или на любую дискриминацию» [Rokeach 1968: 13].

Изучение отношения к иммигрантам направлено на выявление факторов, влияющих на это отношение, среди которых экономические, культурные, социально-демографические и др. Лишь некоторые авторы рассматривают указанную проблематику на индивидуальном уровне, ставя в качестве основного вопрос: кто настроен против иммигрантов? Например, в работе В. И. Мукомеля [Мукомель 2017] показан социально-демографический портрет носителей наиболее негативно настроенных респондентов по отношению к иммигрантам. Данная группа людей рассматривается как латентная угроза стабильности общества.

¹ Европейское социальное исследование – многолетнее сравнительное исследование установок, взглядов, ценностей и поведения населения стран Европы // URL: <http://www.ess-ru.ru/>

В современной научной литературе редко обсуждаются результаты исследований о связи социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам. Также в рассмотренных ниже исследованиях мы обнаружили отсутствие обсуждений о том, почему социально-демографические характеристики анализируются в связи с темой отношения к иммигрантам. Они как бы считаются само собой разумеющимися. Получая какие-то результаты о связи, авторы зачастую просто констатируют, что связь есть. Определение и мониторинг группы людей, носителей наиболее негативного отношения к иммигрантам, могли бы быть полезны для выработки решений в области иммиграционной политики.

В данной статье мы проанализируем современные научные публикации по интересующей нас проблематике, а также проведём анализ эмпирических данных по России, чтобы ответить на вопрос: кто является носителем наиболее негативного отношения к иммигрантам?

Анализ современных исследований связи социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам

В современной научной литературе существует большое количество исследований (о которых речь пойдёт ниже), проверяющих наличие изучаемой связи. Однако результаты исследований достаточно противоречивы и требуют уточнений. Рассмотрим подробнее основные тенденции в изучении связи пола, возраста, уровня образования, семейного положения, типа поселения и отношения к иммигрантам, которые, возможно, помогут нам сформулировать собственные гипотезы исследования.

Пол

Преыдушие исследования чаще всего использовали переменную «пол» в качестве контрольной в ряду других социально-демографических характеристик. Подразумевалось, что мужчины более негативно относятся к иммигрантам, чем женщины. Например, в исследовании Т. Адорно, мужчины в большей степени склонны иметь авторитарные черты личности [Adorno et al. 1950]. «Пол» редко выступал в качестве главной интересующей характеристики в рамках исследования того, что определяет негативное отношение к иммигрантам. Исключением является, например, работа А. Понсе, в которой показано, что тенденция, описанная Адорно, устарела, нужно учитывать современные реалии Европы, где гендерное равенство является символом либеральных ценностей. По мнению автора, возрастает напряжённость между коренным населением с преобладающими ценностями гендерного равенства и сообществами иммигрантов, которые рассматриваются как нелиберальные, особенно иммигранты-мусульмане [Ponce 2017: 2]. А. Понсе делает предположение, что из-за разницы понимания ценности взаимоотноше-

ния полов в иммигрантских мусульманских культурах, по сравнению с представлениями жителей европейских стран, не исключено, что представители коренного населения женского пола начнут рассматривать определённые группы иммигрантов как угрозу для гендерного равенства. Используя данные ЕСС 2014 г. по всем странам Европы, Понсе выявил, что нет статистически значимой разницы между отношением к иммигрантам среди женщин и мужчин. Нам представляется необоснованной его изначальная гипотеза, так как, во-первых, из текста автора не понятно, почему именно женщины будут иметь более негативное отношение к иммигрантам-мусульманам. Автор не приводит никаких данных о том, что ценности равенства полов распространены в Европе в неравных долях в сторону превалирования среди женщин. Во-вторых, сама идея о том, что иммигранты будут рассматриваться как угроза гендерному равенству в Европе, противоречит распространённым там ценностям мультикультурализма, в соответствии с которыми предполагается, что иммигранты должны приниматься обществом со своими особенностями культуры, а европейцы не должны навязывать им свои представления о взаимоотношении полов.

Что касается исследований, где пол выступал в качестве контрольной переменной, то результаты показывают неоднозначную картину. В некоторых результатах нет статистически значимой разницы между полами в отношении к иммигрантам [Gorodzeisky, Semyonov 2019; Mayda 2006]. Там, где результат значим, в основном подтверждается гипотеза о том, что принадлежность к мужскому полу увеличивает негативное отношение к иммигрантам [Kuran, McCaffery 2008; O'Rourke, Sinnott 2006; Butkus et al. 2018; Fons et al. 2008; Ceobanu, Escandell 2008, Gorodzeisky, Semyonov 2009; Semyonov et al. 2006]. Существуют исследования с противоположным результатом, где выявлено, что женщины более негативно относятся к иммигрантам [Burns, Gimpel 2000; Hainmueller, Hiscox 2007; Berg 2010; Amuedo-Dorantes, Puttitanun 2011].

Во многих исследованиях просто констатируется, что эффект воздействия пола мал [Hjerm 2001], в других, что пол не оказывает значимого влияния на отношение к иммигрантам [Paas, Halapuu 2012a]. Однако в некоторых статьях были приведены объяснения полученных закономерностей, например, в статье канадских исследователей [Côté, Erikson 2009: 1678] показано, что женщины более либеральны по сравнению с мужчинами, но пол никак статистически не влияет на отношение к иммигрантам. Объясняется это тем, что мужчины и женщины могут иметь жизненный опыт, который влияет на отношение к иммигрантам похожим образом. Шведский исследователь М. Хьёрм объясняет воздействие пола на отношение к иммигрантам тем, что женщины меньше подвержены конкуренции на рынке труда, чем мужчины, из-за особенностей разделения труда в Швеции [Hjerm 2009: 53]. Р. Уилкс с соавторами на основании данных своего исследования также связывают это «с более слабой позицией женщин на рынке труда» [Wilkes et al. 2008: 306].

Можно выделить группу исследований, объясняющих отношение к иммигрантам с позиции психологических особенностей личности. Американский исследователь Дж. Берг приводит следующее объяснение более положительного отношения женщин к иммигрантам: «женщины больше ориентированы на других, в то время как мужчины – на себя; женщин поощряют развивать социальные отношения, а мужчин – достигать инструментального успеха» [Berg 2010: 281]. Берг считает, что женщины могут рассматривать иммигрантов как нуждающихся в помощи в новой стране, в то время как мужчины будут видеть в них экономических конкурентов. Х. Бец в исследовании антимигрантских настроений в Европе также приводит аргумент, что женщины, как правило, чаще являются жертвами дискриминации по половому признаку, иммигранты – дискриминируемой группой по национальности, поэтому женщины лучше, чем мужчины, относятся к иммигрантам из солидарности [Betz 1994].

В исследовании Ч. Леонг и К. Уорд более негативное отношение к иммигрантам у мужчин обусловлено стереотипно мужскими чертами: доминированием, конкурентоспособностью, мастерством, достижениями. Напротив, более позитивное отношение к иммигрантам у женщин определяется их способностью заботиться, сострадать и общей межличностной ориентацией [Leong, Ward 2006: 800]. Черты мужчин могут быть объяснены теорией социального доминирования, согласно которой в патриархальных обществах мужчины устанавливают общественную иерархию и более склонны к дискриминации по различным признакам [Sidanius 1993].

С другой стороны, в исследованиях, констатирующих более негативное отношение женщин к иммигрантам, отмечается, что они воспринимают иммигрантов как угрозу устоявшимся ценностям, которые, по их мнению, могут измениться под натиском иной культуры. Так, исследователи П. Бернс и Дж. Гимпел высказывают мысль, что женщины более склонны к негативному отношению к иммигрантам в силу того, что они в большей степени, чем мужчины, разделяют традиционные ценности [Burns, Gimpel 2000].

Результаты исследований по данной тематике в России также неоднозначны. Так, по результатам исследования 24-й волны данных РМЭЗ В. И. Мукомеля, мужчины более негативно относятся к иммигрантам. Он объясняет это тем, что «мужчины, как правило, в социальной жизни активнее, для них менее характерна эмпатия, они склонны к резким суждениям и действиям» [Мукомель 2017: 36]. Е. Эррера и Н. Буткович Краус, используя данные репрезентативного исследования по России, проведённого в 2003–4 гг., выявили, что у мужчин более негативное отношение объясняется существующей гендерной социализацией, при которой негативные чувства у мужчин выражаются по-разному или чаще, чем у женщин, так как их воспитывают более враждебными, в частности, во время службы в армии, в достижении спортивных успехов и пр. [Herrera, Butkovich Kraus 2016: 307]. Сравнительное исследование отношения к иммигрантам в России и Эстонии на данных

пятой волны ЕСС (2010 г.) показало, что пол является незначимым фактором в отношении к иммигрантам в России, в то время как в Эстонии он значим – там принадлежность к мужскому полу увеличивает вероятность негативного отношения к иммигрантам [Paas, Demidova 2014].

Как видим, результаты исследований в отношении связи пола и отношения к иммигрантам очень разные, мы не можем выделить какую-то единую тенденцию ни в России, ни в других рассмотренных странах. Также среди исследований приводятся очень разные объяснения данной связи, если она получалась статистически значима. Возможно, это объясняется тем, что почти никто из исследователей не использовал изначальные теоретические предположения о связи пола и отношения к иммигрантам, не строил конкретных гипотез, а просто вводил переменную «пол» в качестве «контрольной» в уравнения регрессии и даже не всегда интерпретировал полученный результат.

Уровень образования

Большинство предыдущих исследований показывают, что по мере повышения уровня образования респондентов их отношение к иммигрантам становится более позитивным [Herrerros, Criado 2009; Berg 2010; Hainmueller, Hiscox 2007; Мукомель 2017; Bessudnov 2015], однако механизм, лежащий в основе данной тенденции, остаётся дискуссионным. Одни исследователи получили результаты, говорящие о том, что такая связь устойчива в течение длительного времени. Например, израильские исследователи [Semyonov et al. 2006] выявили такую связь в Европе в период с 1988–2000 гг. Другие исследования показывают, что эффект уровня образования не является универсальным. Так, исследование М. Кондерса и П. Шиперса [Coenders, Scheepers 2003] выявило, что результаты зависят от контекста и от того, каким образом, через какие переменные исследуется отношение к иммигрантам; а также они показали, что влияние уровня образования различается в зависимости от изучаемой страны. Эффект образования зависит от либерально-демократических традиций страны: там, где демократия распространена длительное время, эффект того, что высокий уровень образования связан с положительным отношением к иммигрантам, сильнее. Авторы утверждают, что система образования способствует формированию таких ценностей, как свобода, равенство, терпимость [Coenders, Scheepers 2003: 319], а воздействие этих ценностей связано с социальными и политическими взглядами. Кроме того, образование повышает открытость к новому, уменьшает страх перед незнакомыми людьми, уменьшает предубеждённость по различным вопросам, так как люди узнают о различных аспектах мира. Образование приводит к тому, что люди менее склонны выражать безоговорочную веру в авторитеты [Lancee, Sarrasin 2015: 491].

Д. Берг ту же закономерность объясняет немного иначе: по его мнению, высокий уровень образования оказывает либерализирующий эффект таким образом, что более образованные люди с меньшей веро-

ятностью поверят в негативные стереотипы в отношении иммигрантов, а также они могут иметь доступ к более достоверной информации о преимуществах и недостатках иммиграции. Берг высказывает мысль, что респонденты с высоким уровнем образования будут считать нормой выражение отношения толерантности и скрывать свои антииммигрантские чувства, даже если такие имеются [Berg 2010: 280].

Таким образом, в рассмотренных исследованиях прослеживается единая тенденция – чем выше уровень образования, тем лучше отношение к иммигрантам. Однако Дж. Хайнмюллер и Дж. Хопкинс указывают на следующее противоречие: «несмотря на тот факт, что за последние десятилетия средний уровень образования в развитых демократиях существенно вырос, антииммигрантские настроения остаются высокими» [Hainmueller, Hopkins 2014: 241]. Это, во-первых, порождает мысли о качестве полученного образования. Наличие высшего образования не говорит об эквивалентности широты знаний, критического разума в отношении стереотипов у их носителей. Во-вторых, заставляет задуматься о силе семейных ценностей: например, человек первый в семье получил высшее образования, а рос, возможно, в среде с расистскими представлениями, где ему с детства прививали определённые жизненные принципы. В таких случаях требуются дополнительные исследования того, что оказывает больший эффект и насколько связан высокий уровень образования с отношением к иммигрантам, насколько сопоставимы/эквивалентны измеряемые уровни образования в разных странах.

Возраст

В большинстве рассмотренных нами зарубежных исследований прослеживается тенденция: чем старше респондент, тем выше вероятность, что он будет иметь негативное отношение к иммигрантам [Gorodzeisky 2011; Karreth et al. 2015; Wilkes et al. 2008]. Возможное объяснение связано с эффектом жизненного цикла, который заключается в том, что в молодом возрасте человек полон сил и видит всё в ином свете, чем пожилой, который из-за отсутствия сил и здоровья больше склонен к раздражительности и негативному отношению, в частности и к иммигрантам.

В панельном исследовании Б. Ланси, О. Саррасин (1999–2011 гг.) на данных по Швеции показано, что, переходя от образования к работе, люди должны воспринимать иммигрантов в качестве конкурентов за работу, и, следовательно, с большей вероятностью выражать негативное отношение к иммигрантам. Авторами выявлено, что при выходе на рынок труда респонденты с высшим образованием более склонны негативно относиться к иммигрантам, что говорит о том, что эффект образования в данном случае больше связан с теорией этнической конкуренции (согласно которой конкуренция за ограниченные ресурсы между группами выступает катализатором увеличения негативного отношения

к другим этносам), нежели с либерализующим эффектом образования. К сожалению, данное исследование включало в выборку респондентов от 13 до 30 лет, и нет никаких доказательств, что именно в этом возрасте негативное отношение к иммигрантам будет более негативное, нежели, например, в старшей возрастной группе [Lancee, Sarrasin 2015].

Исследование Ф. Пихлер обнаружило, что пожилые люди более негативно оценивают иммиграцию как источник культурных угроз для страны, в то время как они же менее склонны оценивать иммиграцию как экономическую угрозу [Pichler 2010: 454].

Что касается российских реалий, то В. И. Мукомель получил противоположные результаты на данных РМЭЗ: среди позитивно относящихся к иммигрантам выше доля респондентов старшего возраста. Этот вывод он объясняет ностальгией по дружбе народов [Мукомель 2017: 36]. Автор отмечает, что наиболее негативно относятся к иммигрантам респонденты в возрасте 25–29 лет.

Итак, мы видим, что какой-то единой точки зрения о возрасте, который бы наиболее часто был связан с негативным отношением к иммигрантам, у исследователей нет.

Семейное положение

В этом вопросе обнаружилось сходство между тенденциями, выявленными в России и Европе, – респонденты, живущие в зарегистрированном браке, имеют более положительное отношение к иммигрантам, чем разведённые, вдовы, живущие в незарегистрированном браке или те, кто никогда не были женаты. Среди российских исследователей эту тенденцию отмечает В. И. Мукомель. По его мнению, негативно относящиеся к иммигрантам, чаще всего «лица, семейное положение которых неустойчиво – живут в незарегистрированном браке» [Мукомель 2017: 36].

С другой стороны, существуют европейские исследования, которые показывают, что семьи, живущие в зарегистрированном браке, взаимодействуют с культурно-схожими людьми, а людей с иными культурными традициями они могут рассматривать как угрозу культурной самобытности для собственной группы [Huijnk et al. 2010: 394].

Тип поселения

Городские жители, как правило, имеют более положительное отношение к иммигрантам, нежели другие группы по типу поселения [Paas, Nalarii 2012b]. Дж. Берг добавляет к этому суждению, что положительное отношение к иммигрантам особенно свойственно населению крупных городов с большим числом иностранных жителей [Berg 2010].

А. Бессуднов, используя данные ФОМ за 2011 г., выявил, что в Европе городские жители более терпимы к иммигрантам, чем те, кто проживают в сельской местности. «Крупные города, такие как Лондон и Москва, привлекают значительное количество иммигрантов. В то время, как в Лондоне обычно приветствуется этническое разнообразие, Москва

остаётся одним из самых ксенофобных мест» [Bessudnov 2015: 578]. Возможным объяснением данного суждения о Москве может служить высокая концентрация иммигрантов в мегаполисе. В противоречии результатам А. Бессуднова, А. Татарко показал, что жители московского мегаполиса, обладающие высоким уровнем интегральной безопасности, толерантны по отношению к иммигрантам и готовы в большей степени поддерживать мультикультурную идеологию [Татарко 2009]. В тоже время И. М. Кузнецов на данных 24 волны РМЭЗ также приводит результаты о том, что самая высокая доля респондентов с наиболее негативным отношением к иммигрантам фиксируется в крупных городах: Москве – 14% и Санкт-Петербурге – 15%. Автор объясняет полученную закономерность уровнем урбанизации социума, «доминированием безличных форм социального взаимодействия в урбанизированных полях, что повышает значимость и актуальность различного рода социальных категоризаций» [Кузнецов 2017: 64].

Существуют исследования, которые отмечают, что наиболее негативное отношение к иммигрантам наблюдается в малых городах. Нелегальные иммигранты, как правило, приезжают не только в большие города, но и распространяются по всей территории страны. Как отмечает М. Ф. Черныш, «за последние двадцать лет серьёзные конфликты на межэтнической почве происходили именно в малых городах или сёлах (Кондопога, Пугачёв, Сагра)» [Социальные факторы... 2017: 144].

Получается, что результаты современных исследований достаточно противоречивы и требуют уточнений. Едва ли мы можем построить убедительные гипотезы на основании рассмотренных исследований, так как их результаты почти всегда противоречат друг другу и не позволяют выделить единой тенденции.

Обратимся к анализу эмпирических данных, чтобы увидеть, как связано отношение к иммигрантам в России с рассмотренными социально-демографическими характеристиками по данным на 2018 г. А в дальнейшем попробуем объяснить подробнее, с чем связано такое разнообразие зачастую противоречивых данных.

Данные и метод

Эмпирическая часть нашего исследования представляет собой вторичный анализ данных ЕСС¹ за 2018 г. Исследование является международным и проводится каждые два года, начиная с 2002-го. В России его осуществляет Институт сравнительных социальных исследований под руководством А. В. Андреевской с 2006 г. Мы используем данные последней проведённой волны 2018 г. Данные были взвешены на дизайн-вес², выборка составляла 2416 респондентов. Материалы исследования,

¹ См. подробнее: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (Дата посещения: 29.08.2020).

² Подробнее о взвешивании см.: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf. На момент публикации в доступных данных 2018 г. присутствует только дизайн-вес.

а также описание методологии находятся в открытом доступе, в базу входят 6 вопросов на тему иммиграции. Три проективных вопроса включают отношение респондента к приезду в его страну иммигрантов своей или иной национальности, а также иммигрантов из более бедных стран. Варианты ответа измерены по 4-х балльной шкале: «разрешать многим», «разрешать некоторым», «разрешать немногим», «никому не разрешать»¹. Поскольку в русском языке слова «немногим» и «некоторым» являются синонимами, мы будем исходить из того, что респондентам было сложно определить разницу между этими вариантами ответа, поэтому мы объединили их в один. Далее будем использовать 3-х балльную шкалу. Ещё три вопроса посвящены оценке реальных изменений, которые иммигранты уже привнесли в страну респондента. В этот блок из трёх вопросов входят: оценка последствий иммиграции для экономики, культуры и для жизни страны в целом. Для этих переменных шкала измерена по 11 баллам, где 0 означает «плохо», а 10 «хорошо». Эта шкала также была перекодирована в 3-х балльную: от 0 до 4 – негативная оценка, 5 – нейтральная, от 6 до 11 – положительная. Среди социально-демографических характеристик в анализе мы будем использовать пол (м, ж), возраст (до 20; 20–29; 30–39; 40–49; 50–59; 60 и старше), уровень образования (начальное и незаконченное среднее, среднее общее, среднее специальное/профессиональное, высшее²), семейное положение (никогда не состоявшие в браке; состоящие в браке, включая гражданский; вдовы, разведённые), тип поселения (большой город, малый город, пригород большого города, деревня)³.

Для решения поставленной исследовательской задачи мы выбрали метод классификации данных, называемый методом деревьев решений (CHAID). Этот метод подходит нам, потому что он позволяет выявлять связь между переменными, измеренными по любой шкале. Он очень удобен, так как наглядно показывает наиболее связанные переменные, исключая остальные из анализа. Этот метод незаслуженно редко применяется в социологии.

В результате анализа происходит распределение анализируемых независимых переменных на группы, наиболее отличающиеся друг от друга по значениям зависимой переменной. Задачей данного метода является классификация объектов, которые с большей вероятностью являются членами целевой группы.

¹ В качестве ограничения исследования важно отметить, что база данных не позволяет нам дифференцировать отношение к иммигрантам в зависимости от того, откуда приехал иммигрант, и не позволяет узнать, к какому этносу он принадлежит.

² К начальному образованию относятся: закончившие 3–7 классов; к среднему общему – получившие аттестат об основном общем образовании, законченное среднее общее образование; к среднему специальному – начальное профессиональное образование (закончил ПТУ, ФЗУ, ФЗО), среднее профессиональное образование – закончил техникум, училище, колледж (2–4 года обучения); высшее образование – получил диплом бакалавра, магистра, специалиста, научную степень. Группа не учившихся исключена из анализа, так как составляет 2 респондента из всей выборки по России.

³ Мы используем переменные ЕСС, применяя кодировку, описанную в статье [Мукомель 2017]. Все пропущенные данные исключены из анализа.

Несмотря на то, что метод не новый, ещё в 1980 г. он упоминался в работе Г. Касса [Kass 1980], в отечественной литературе он применяется нечасто. Данный метод похож на регрессионный анализ и тоже направлен на изучение взаимосвязи между переменными. Однако, во-первых, он более нагляден, так как взаимосвязь переменных представлена в виде иерархической структуры дерева. Во-вторых, данный метод позволяет включить в качестве независимых большое число переменных, измеренных по любой шкале. В-третьих, деревья выявляют не только линейные, но и нелинейные связи. В-четвёртых, деревья устойчивы к выбросам [Груздев 2016: 9].

Весь набор данных, включённых в анализ, называется корневым узлом. При анализе он разбивается на узлы. Разбиение происходит таким образом, чтоб независимые переменные наиболее сильно отличались друг от друга по зависимой переменной, например, выделение узлов с негативной и позитивной оценкой отношения к иммигрантам. Качество разбиения на узлы оценивается с помощью статистических критериев (хи-квадрат, если переменная категориальная; F-статистика, если переменная интервальная). А в качестве правил разбиения – зависимые переменные, включённые в анализ. Ветвями называют линии, которые соединяют различные узлы, полученные в ходе анализа, на этих ветвях указываются правила разбиения и статистики. В результате анализа для каждого узла будет высчитана вероятность в виде процентных долей зависимой переменной, выносится решение в виде спрогнозированной категории этой переменной. Разбиение на узлы происходит до тех пор, пока независимые переменные не будут исчерпаны. Последний узел, который не разбивается дальше, называется терминальным узлом дерева или листом [Груздев 2016: 10].

В нашем анализе в качестве зависимой переменной будут выступать переменные, отражающие отношение респондентов к иммигрантам. В качестве независимых в анализе фигурируют: пол, возраст, уровень образования, тип поселения, семейное положение. Среднеквадратичная ошибка не превышает 0,003; оценка риска 20%. Поскольку в анализе нас интересуют респонденты, негативно настроенные по отношению к иммигрантам, мы построили деревья классификации для выявления того, какие из независимых переменных наиболее тесно связаны с негативным отношением.

Результаты

На рис. 1 представлено дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов той же национальности». 13,5% россиян негативно настроены по отношению к такому переезду. Наилучшим предиктором для неё выступает тип поселения респондента, данный узел расщепился ещё на два узла (большие города, пригород и малые города). Как видим, наиболее негативно настроенные по отношению к переезду иммигрантов той же национальности проживают в больших городах или пригородах большого города.

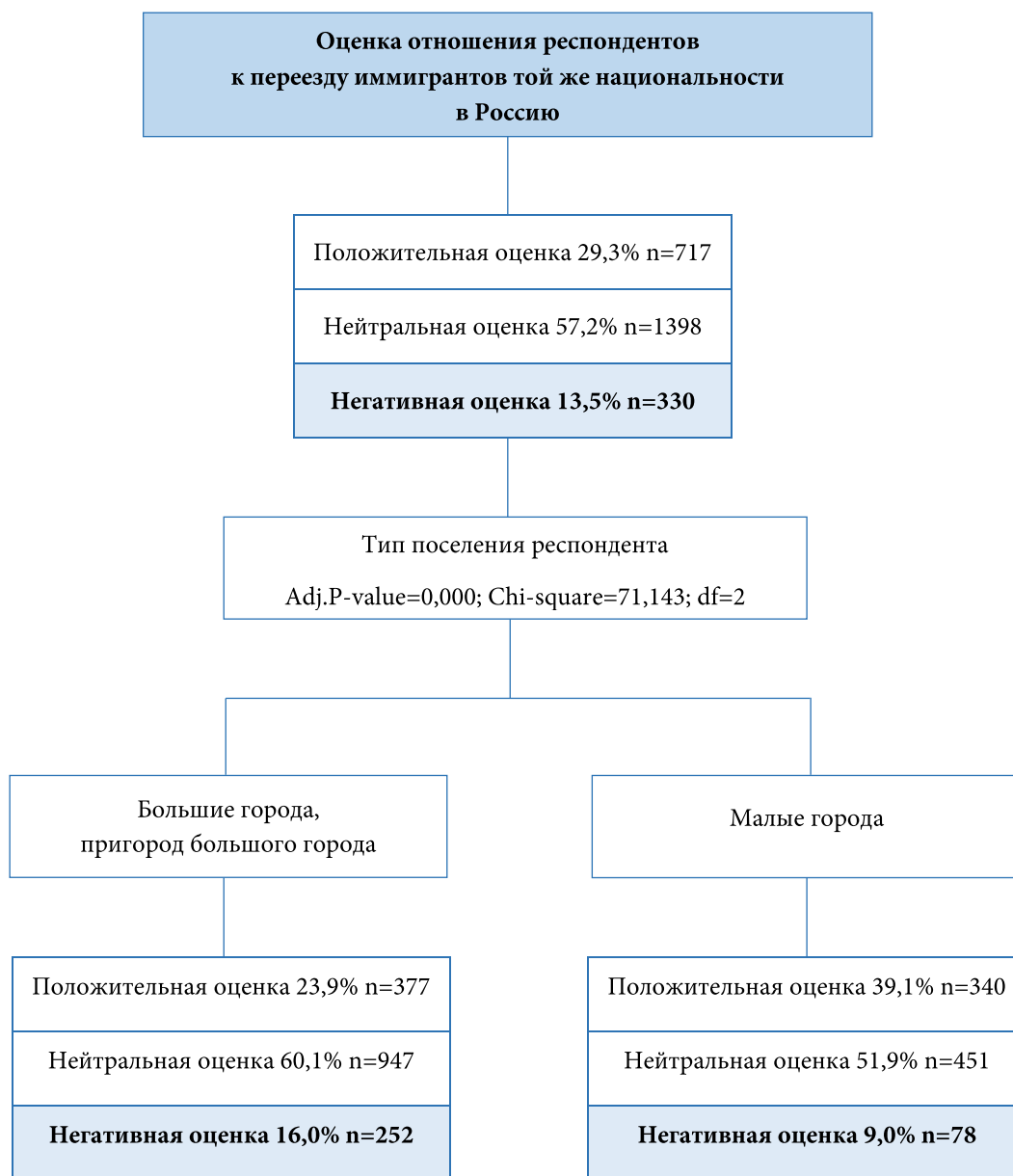

Рис. 1. Дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов той же национальности в Россию»

Figure 1. Classification tree for variable “evaluation of respondents’ attitude towards settlement of immigrants of the same nationality in Russia”

На рис. 2. представлено дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов иной национальности». Негативно оценивают подобный переезд 21,8% россиян. В данном случае наилучшим предиктором выступает переменная «возраст». Наиболее негативно настроенные – респонденты в возрасте 60–69 лет, проживающие в больших городах/пригородах больших городов.

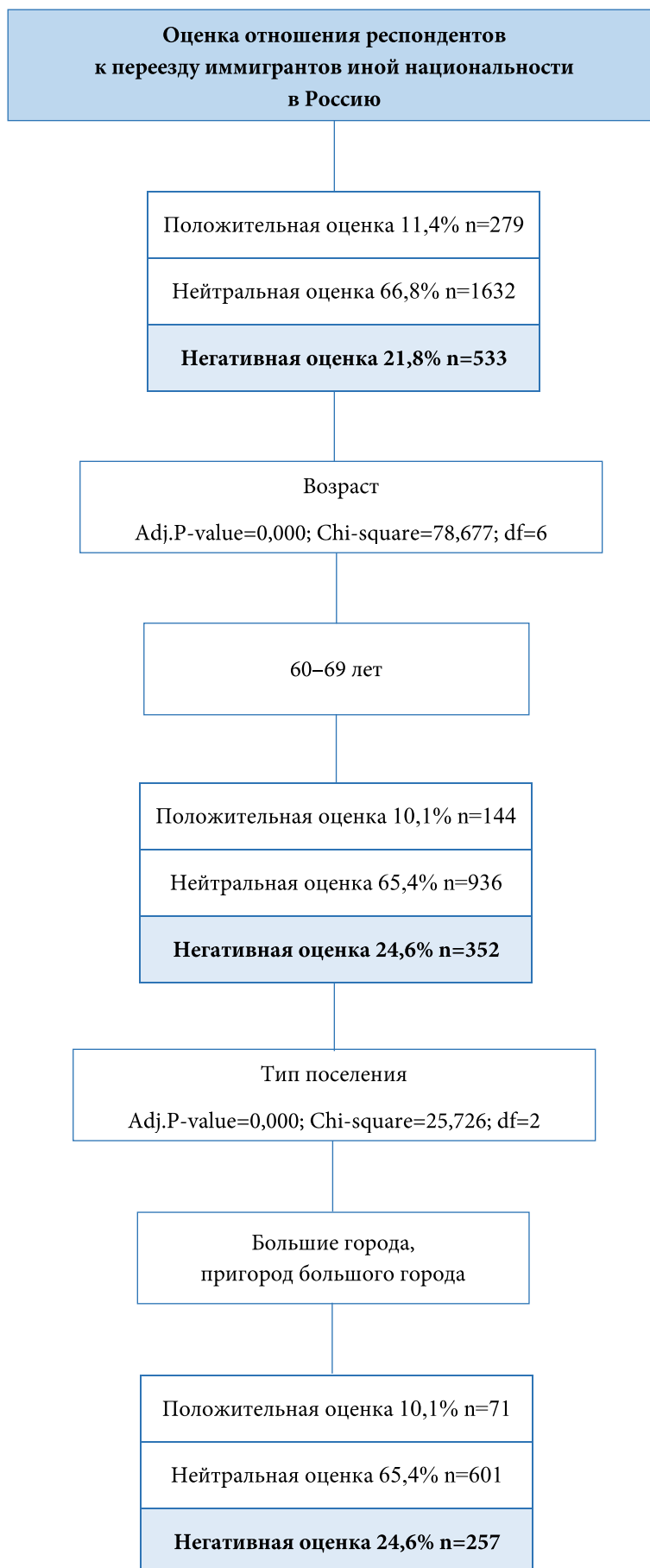

Рис. 2. Дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов иной национальности в Россию»

Figure 2. Classification tree for variable “evaluation of respondents’ attitude towards settlement of immigrants of different nationality in Russia”

На рис. 3 представлено дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов из более бедных стран». 34,9% россиян негативно относятся к перспективе такого переезда. Здесь единственной переменной, связанной с зависимой, является возраст, опять же это 60–69 лет, как и в предыдущем дереве.

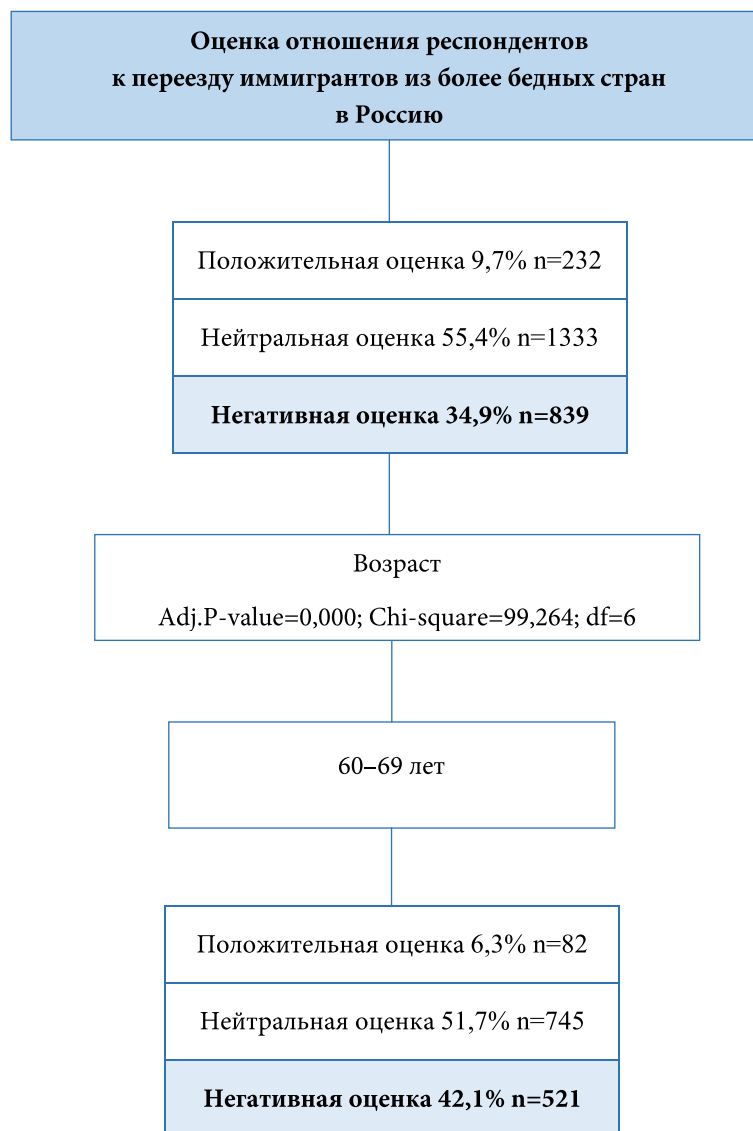

Рис. 3. Дерево классификации для переменной «оценка отношения респондентов к переезду иммигрантов из более бедных стран в Россию»

Figure 3. Classification tree for variable “evaluation of respondents’ attitude towards settlement of immigrants from more impoverished nations in Russia”

На рис. 4 представлено дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые приносят иммигранты в экономику России». Первое, на что следует обратить внимание – большая часть россиян негативно оценивает подобные изменения (46,4%). Наилучшим предиктором данной переменной является «пол». Мы видим, что наша гипотеза не подтвердилась, наиболее негативно изменения оценивают женщины, а не мужчины.

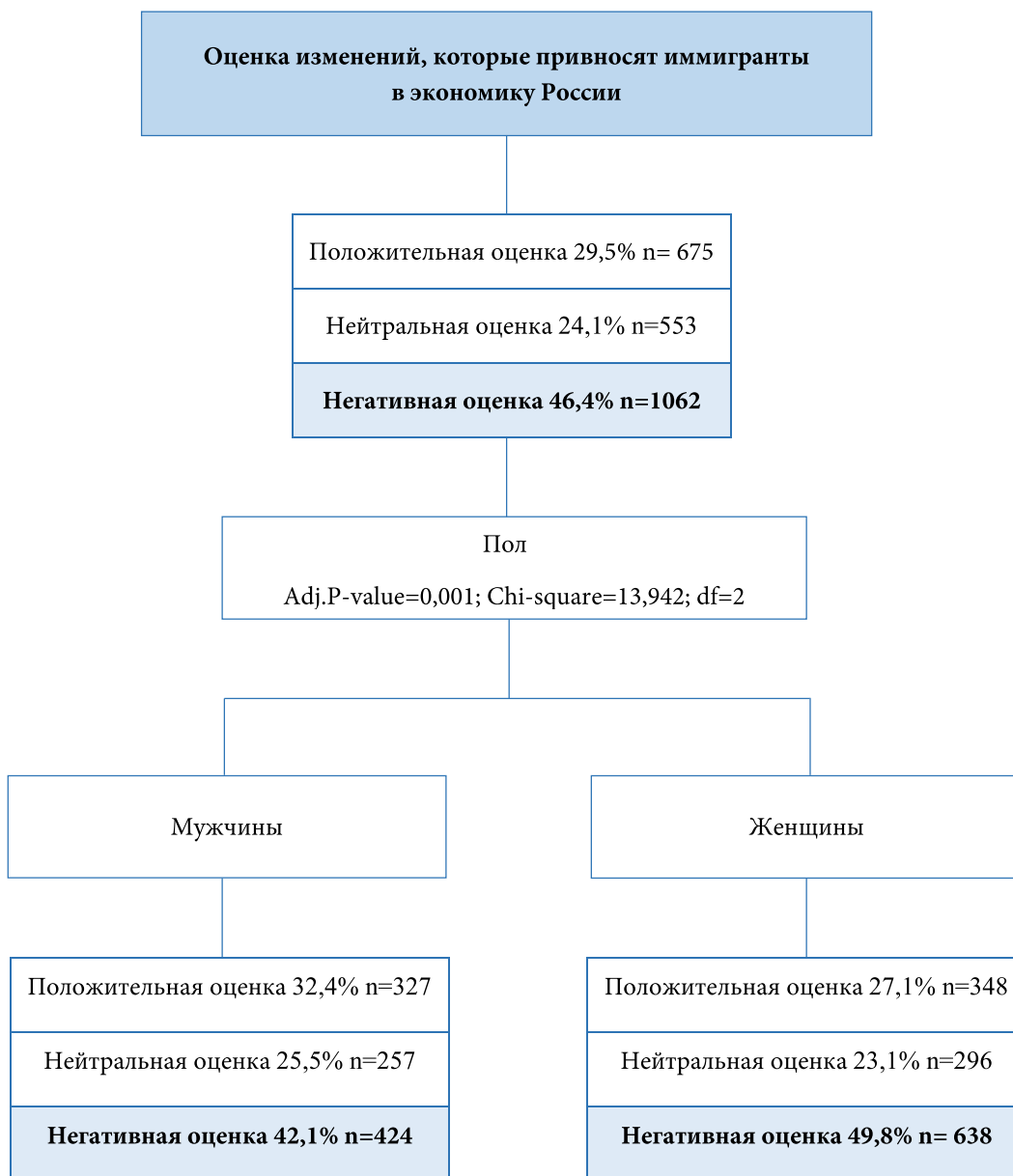

Рис. 4. Дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в экономику России»

Figure 4. Classification tree for variable “evaluation of changes introduced to the Russian economy by immigrants”

На рис. 5 представлено дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в культуру России». Большинство респондентов также негативно оценивают эти изменения (51,3%). Наиболее сильная связь у этой переменной с возрастом: негативное настроение сильнее выражено у респондентов в возрасте 60–69 лет. Далее узел расщепился по переменной «уровень образования», наиболее негативная оценка у респондентов со средним общим образованием.

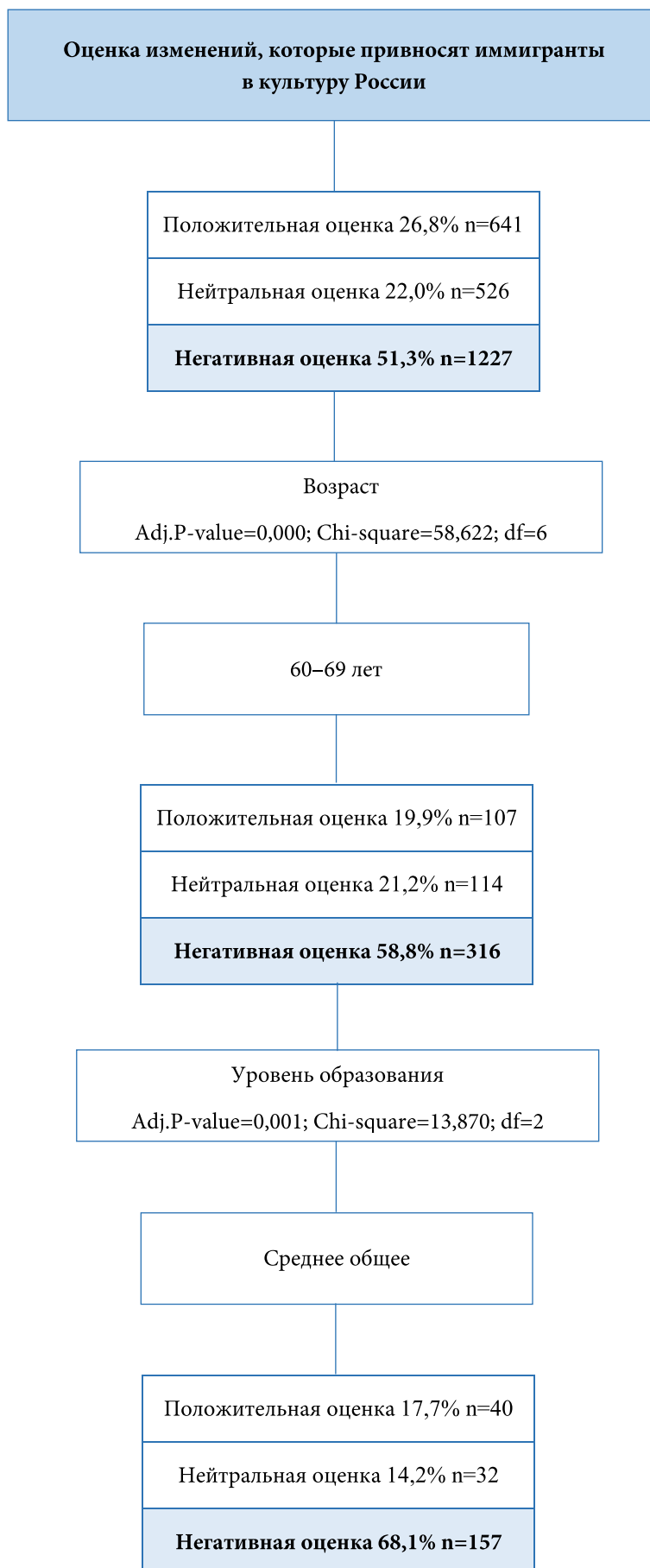

Рис. 5. Дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в культуру России»

Figure 5. Classification tree for variable “evaluation of changes introduced to Russian culture by immigrants”

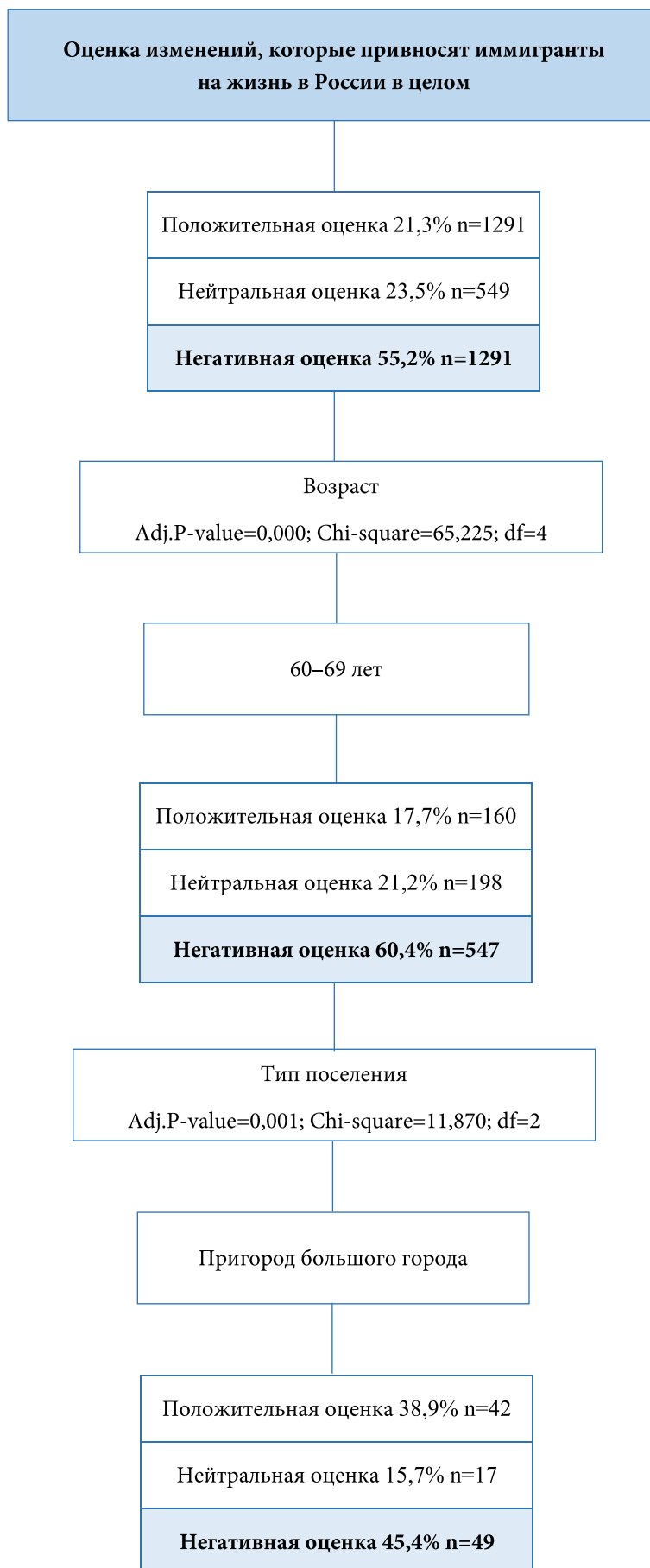

Рис. 6. Дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в жизнь в России в целом»

Figure 6. Classification tree for variable “evaluation of changes introduced by immigrants to life in Russia overall”

На рис. 6 представлено дерево классификации для переменной «оценка изменений, которые привносят иммигранты в жизнь в России в целом». 55,2% респондентов оценивают эти изменения негативно. Наилучшим предиктором для данной переменной, как и для предыдущей, оказалась переменная «возраст (60–69 лет)», респонденты – проживающие в пригородах больших городов.

Обсуждение

В результате анализа мы выявили, что пол оказался связан только с переменной оценки изменений, которые оказывают иммигранты на экономику нашей страны, причём более негативно настроены женщины.

Негативная оценка изменений, которые привносят иммигранты в Россию связана у респондентов с общим средним уровнем образования. С остальными переменными уровень образования оказался не связан.

Респонденты из возрастной группы 60–69 лет наиболее негативно настроены к переезду иммигрантов иной национальности и из более бедных стран, а также к изменениям, которые они привносят в культуру и в жизнь в России в целом.

Переменная «семейное положение» оказалась не связана ни с каким вопросом об отношении к иммигрантам.

Переменная «тип поселения» оказалась связана с оценкой изменений, привносимыми иммигрантами в жизнь в России в целом, с переездом иммигрантов той же и иной национальности.

Наиболее негативно относятся к иммигрантам женщины в возрасте 60–69 лет, проживающие в больших городах и их пригородах, имеющие средний общий уровень образования. Возникает вопрос, почему именно эта категория респондентов имеет самое негативное отношение? Можно, конечно, сослаться на объяснения в первой части статьи, которые приводили другие авторы. И вероятно, что многие из них правомерны, но нам представляется, что нужно посмотреть на полученную картину в целом и порассуждать о факторах, которые могут вызывать у данной категории респондентов подобное отношение. Полученная группа негативно настроенных – это наименее мобильная часть населения, вследствие чего более защищённая от уличной преступности, а также не конкурирующая с иммигрантами за рабочие места. При этом выявленная группа домохозяек с негативным отношением не является определяющей для общества. Она важна как электорат, но скорее является «прошлым». Молодые, образованные, работающие люди менее подвержены стереотипизации. Возможно, на них оказывает влияние эффект, описанный в теории контакта. Молодые люди уже учились в школах с детьми иммигрантов, что могло повлиять на их отношение, хотя данная гипотеза требует дополнительного исследования.

Можно предположить, что члены группы негативно настроенных к иммигрантам являются наиболее активными потребителями телевизионных программ, нагнетающих иммиграционную панику. Так, согласно исследованию В. В. Константинова и Р. В. Осина, «СМИ формируют

образы и типажи мигрантов как иноземцев, посягающих на обыденную жизнь и рынок труда коренного населения..., мигранты чаще всего предстают в образе врага» [Константинов, Осин 2014: 54]. В рамках нашего эмпирического исследования мы сохранили переменную с полученными социально-демографическими характеристиками и сравнили с другими группами (положительно и нейтрально настроенных) по вопросу о том, сколько времени они тратят в день на новости о политике, текущих делах, слушают или читают (в минутах). Полученные результаты подтвердили наше предположение (негативно настроенные граждане потребляют медийный продукт в два раза больше), хотя мы должны отметить, что не имели возможности проверить, насколько часто они тратят время на просмотр передач, содержащих пропаганду негативного отношения к иммигрантам. Эта тема требует отдельного исследования.

Важно уточнить, что в исследовании мы не предполагали, что отношение к иммигрантам дискретно и нет промежуточных вариантов. Тем не менее задачей данной работы было определение и описание той группы респондентов, которые выражают наиболее негативные оценки.

Заключение

Проанализированные нами исследования иногда дают противоречивые прогнозы и выводы о взаимосвязях между переменными. Большинство исследователей изучали отношение к иммигрантам в России, а также в других европейских странах, объединяя все вопросы базы данных ЕСС в общий индекс, усредняя и теряя информацию. Затем использовали статистические методы, чтобы выявить факторы, влияющие на отношение к иммигрантам. На наш взгляд, такие исследования, как правило, не в состоянии дать адекватную оценку отношениям к иммигрантам и факторам, влияющим на эти отношения, так как не учитывается специфика отдельных стран с различными объёмами иммиграционного притока, различными культурными и историческими особенностями. А также в предыдущих исследованиях зачастую не приводится теоретического объяснения проверяемых факторов. Так, например, во многих исследованиях переменные «пол», «возраст», «уровень образования» и др. вводятся в уравнения регрессии без предварительных теоретических объяснений. Есть исследования, где не объясняется, почему именно женщины выбраны контрольной группой, а затем не обсуждаются полученные связи. Чтобы расширить существующие интерпретации связи между социально-демографическими характеристиками и отношением к иммигрантам, в дальнейшем мы планируем провести интервью с местным населением, имеющим опыт общения с иммигрантами.

Анализ существующих исследований также показал, что связь социально-демографических характеристик и отношения к иммигрантам не является какой-то константной закономерностью. Результаты и направления связи меняются в зависимости от года исследования, контекста, политической обстановки и других факторов. Единственная

универсальная закономерность – это то, что низкий уровень образования связан с негативным отношением к иммигрантам: мы не встретили ни одной работы, которая бы утверждала обратное. Таким образом, стабильный «портрет» носителя негативного отношения к иммигрантам не наблюдается, «портрет» меняется в зависимости от контекста. На отношение к иммигрантам влияет политика государства, которое через СМИ формирует позитивный или негативный образ иммигрантов, а также представляет определённые этнические группы в образе врага. В дальнейших исследованиях мы предполагаем расширить знания о воздействии контекстного фактора влияния на отношения к иммигрантам с помощью проведения интервью с респондентами из России, определения и классификации тех контекстов, которые могут воздействовать на это отношение, например, факторов СМИ, политики государства, конфессиональной принадлежности и др. Не менее важна классификация факторов контекста с разделением на локальный-страновой, исторический уровень, фактор года исследования (временной) и др. Необходимо выявить, как варьируются контекстные факторы, от чего это зависит.

Невозможно раз и навсегда сделать однозначные выводы о том, какие факторы будут влиять на отношение к иммигрантам. Большое влияние будет оказывать социально-политическая ситуация в обществе, порой переверачивая результаты исследования «с ног на голову». В качестве яркого маркера может служить высокий уровень образования в советские годы, способствовавший толерантности к людям другой национальности, но в последние годы практически утративший свой вес – люди с высшим и средним образованием демонстрируют схожие оценки [Этничность... 2017: 63]. Поэтому важно обращать внимание в первую очередь на ситуационный фактор, способствующий формированию тех самых условий, в которых были даны оценки иммиграционных процессов конкретными респондентами. В нашем исследовании показано, какие социально-демографические факторы связаны с отношением к иммигрантам в России за 2018 г. Обобщённый портрет носителей негативного отношения составили женщины в возрасте 60–69 лет, проживающие в больших городах и их пригородах, имеющие низкий уровень образования. Подобный анализ данных необходимо проводить как можно чаще в рамках мониторинга, чтобы фиксировать, как изменяются маркеры негативного отношения к иммигрантам, а также определять группу носителей наиболее негативных оценок.

Приведённый обзор исследований систематизировал существующие современные результаты исследований по данной теме. Однако, как нам представляется, он имеет не только научный смысл, но и может быть полезен при работе над документами по выработке решений для гармонизации межэтнических отношений в обществе. Давать рекомендации по улучшению ситуации не так просто, потому что аттитюды по своей природе достаточно устойчивы. Тем не менее люди под влиянием повторяющейся, заслуживающей доверия информации, могут менять своё мнение. Необходимо, чтобы в российском обществе культивировались модели поведения, порицающие проявления негативного отношения по отношению к иммигрантам, чтобы оскорбительные высказывания вызывали непри-

ятие во всех кругах общения, поскольку подобные оскорбления могут приводить к росту напряжённости в обществе, конфликтам и другим негативным последствиям. Необходимо также зеркально изучать отношение иммигрантов к коренному населению, принимать меры по усвоению ими русского языка, изучению культурных особенностей и традиций, адаптировать и интегрировать иммигрантов в нашу среду. Улучшению отношения иммигрантов к россиянам, а также россиян к иммигрантам могут поспособствовать в первую очередь СМИ (своими сюжетами) и лидеры общественного мнения (своим поведением и высказываниями).

Библиографический список

Груздев А. В. 2016. Прогнозное моделирование в IBM SPSS Statistic и R: Метод деревьев решений. М.: ДМК Пресс. 276 с.

Константинов В. В., Осин Р. В. 2014. Особенности отношения к мигрантам в условиях медиавоздействия // Известия Саратовского университета. № 1. С. 53–57.

Кузнецов И. М. 2017. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. Т. 26. № 1. С. 58–80.

Мастикова Н. С. 2019. Изменения, привносимые мигрантами, и их оценка россиянами (по данным Европейского социального исследования) // Общественные науки и современность. № 2. С. 160–169. DOI [10.31857/S086904990004341-7](https://doi.org/10.31857/S086904990004341-7)

Мукомель В. И. 2017. Ксенофобы и их антиподы, кто они? // Мир России. № 1. С. 32–57.

Социальные факторы межэтнической напряжённости в России. 2017. / Под ред. Ю. Б. Епихиной, М. Ф. Черныша. М.: ФНИСЦ РАН. 336 с.

Татарко А. Н. 2009. Роль воспринимаемой угрозы в отношении москвичей к мигрантам / Под ред. Лебедевой Н. М., Татарко А. Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН. 420 с.

Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте. 2017. / Отв. ред. Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН. 126 с.

Adorno T. W., Frankel-Brunswik E., Levinson D., Sanford N. R. 1950. The Authoritarian Personality. New York: Harper. 229 p.

Amuedo-Dorantes C., Puttitanun T. 2011. Gender Differences in Native Preferences toward Undocumented and Legal Immigration: Evidence from San Diego // Contemporary Economic Policy, vol. 29 (1), pp. 31–45. DOI: [10.1111/j.1465-7287.2010.00210.x](https://doi.org/10.1111/j.1465-7287.2010.00210.x)

Berg J. A. 2010. Race, Class, Gender, and Social Space: Using an Intersectional Approach to Study Immigration Attitudes // Sociological Quarterly, vol. 51 (2), pp. 278–302. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2010.01172.x>

Bessudnov A. 2015. Ethic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia // *European Sociological Review*, vol. 32 (5), pp. 567–580. DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jcw002>

Betz H. G. 1994. *Radical Right-Wing Populism in Western Europe*. London: Macmillan. 226 p.

Burns P., Gimpel J. G. 2000. Economic Insecurity, Prejudicial Stereotypes, and Public Opinion on Immigration Policy // *Political Science Quarterly*, vol. 115 (2), pp. 201–225 DOI: <https://doi.org/10.2307/2657900>

Butkus M., Davidaviciene V., Maciulyte-Sniukiene A., Matuzeviciute K. 2018. Society's Attitudwes Aoward Immigration: Case of EU Countries // *Marketing and Management of Innovations*, vol. 1, pp. 338–352. DOI: <http://doi.org/10.21272/mmi.2018.1-26>

Ceobanu A. M., Escandell X. 2008. East Is West? National Feelings and Anti-immigrant Sentiment in Europe // *Social Science Research*, vol. 37 (4), pp. 1147–1170. DOI: [10.1016/j.ssresearch.2008.01.002](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2008.01.002)

Coenders M., Scheepers P. 2003. The effect of education on nationalism and ethnic exclusionism: An international comparison // *Political Psychology*, vol. 24 (2), pp. 313–343. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/0162-895X.00330>

Côté R., Erickson B. H. (2009) Untangling the Roots of Tolerance: How Forms of Social Capital Shape Attitudes Toward Ethnic Minorities and Immigrant // *American behavioural scientist*, vol. 52 (12), pp. 1664–1689. DOI: [10.1177/0002764209331532](https://doi.org/10.1177/0002764209331532)

Fons J. R., Van de Vijver, Breugelmans S. M, Schalk-Soekar S. R. G. 2008. Multiculturalism: construct validity and stability // *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 23 (2), pp. 93–104. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.ijintrel.2007.11.001>

Gorodzeisky A. 2011. Who Are the Europeans That Europeans Prefer? Economic Conditions and Exclusionary Views toward European Immigrants // *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 52 (1–2), pp. 100–113. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00024>

Gorodzeisky A., Semyonov M. 2009. Terms of Exclusion: Public Views towards Admission and Allocation of Rights to Immigrants in European Countries // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 32 (3), pp. 401–423. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870802245851>

Gorodzeisky A., Semyonov M. 2019. Unwelcome Immigrants: Sources of Opposition to Different Immigrant Groups Among Europeans // *Frontiers in Sociology*, vol. 4 (24). DOI: [10.3389/fsoc.2019.00024](https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00024)

Hainmueller J., Hiscox M. J. 2007. Educated Preferences: Explaining Attitudes toward Immigration in Europe // *International Organization*, vol. 61, pp. 399–442. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-102512-194818>

Hainmueller J., Hopkins D. J. 2014. Public Attitudes Toward Immigration // *Annual Review of Political Science*, vol. 17, pp. 225–249.

Herrera Y. M., Butkovich Kraus N. M. 2016. Pride Versus Prejudice: Ethnicity, National Identity, and Xenophobia in Russia // *Comparative Politics*, vol. 48 (3), pp. 293–315. DOI:10.5129/001041516818254365

Herreros F., Criado H. 2009. Social Trust, Social Capital and Perceptions of Immigration // *Political Studies*, vol. 57 (2), pp. 337–355. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00738.x>

Hjerm M. 2001. Education, Xenophobia and Nationalism: A Comparative Analysis // *Journal of Ethnic Migration Studies*, vol. 27 (1), pp. 37–60. DOI: 10.1080/13691830124482

Hjerm M. 2009. Anti-immigrant attitudes and cross-municipal variation in the proportion of immigrants // *Acta Sociologica*, vol. 52 (1), pp. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0001699308100633>

Huijnk W., Verkuyten M., Coenders M. 2010. Inter-marriage Attitude among Ethnic Minority and Majority Groups in the Netherlands: The Role of Family Relations and Immigrant Characteristics // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 41 (3), pp. 289–414. DOI: [10.3138/jcfs.41.3.389](https://doi.org/10.3138/jcfs.41.3.389)

Karreth J., Singh S. P., Stojek S. M. 2015. Explaining Attitudes toward Immigration: The Role of Regional Context and Individual Predispositions // *West European Politics*, vol. 2382, pp. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2015.1022039>

Kass G. V. 1980. An exploratory technique for investigation large quantities of categorical data // *Applied Statistics*. Vol. 29, Issue 2. Pp. 119–127.

Kuran T., McCaffery E. J. 2008. Sex Differences in the Acceptability of Discrimination // *Political Research Quarterly*, vol. 61 (2), pp. 228–238. DOI:10.1177/1065912907304500

Lancee B., Sarrasin O. 2015. Educated Preferences or Selection Effects? A Longitudinal Analysis of the Impact of Educational Attainment on Attitudes Towards Immigrants // *European Sociological Review*, vol. 31 (4), pp. 490–501. DOI:10.1093/esr/jcv008

Leong C. H., Ward C. 2006. Cultural values and attitudes toward immigrants and multiculturalism: The case of the Eurobarometer survey on racism and xenophobia // *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 30 (6), pp. 799–810. DOI:10.1016/j.ijintrel.2006.07.001

Mayda A. M. 2006. Who is against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants // *Review of Economics and Statistics*, vol. 88 (3), pp. 510–530.

O'Rourke K., Sinnott R. 2006. The Determinants of Individual Attitudes Towards Immigration // *European Journal of Political Economy*, vol. 22, pp. 838–861. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2005.10.005

Paas T., Demidova O. 2014. How People Perceive Immigrants' Role in Their Country's Life: a Comparative Study of Estonia and Russia // *Eastern Journal of European Studies*, vol. 5 (2), pp. 117–138.

Paas T., Halapuu V. 2012a. Attitudes Towards Immigrants and the Integration of Ethnically Diverse societies // *Eastern Journal of European Studies*, vol. 3 (2), pp. 161–176.

Paas T., Halapuu V. 2012b. Determinants of people's attitudes towards immigrants in Europe // University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper Series, vol. 88, pp. 3–18.

Pichler F. 2010. Foundations of Anti-Immigrant Sentiment: The Variable Nature of Perceived Group Threat across Changing European Societies, 2002–2006 // International Journal of Comparative Sociology, vol. 51 (6). DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0020715210379456>

Ponce A. 2017. Gender and Anti-immigrant Attitudes in Europe // Socius: Sociological Research for a Dynamics, vol. 3, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2378023117729970>

Rokeach M. 1968. A theory of organization and change within value-attitude systems // Journal of Social Issues, vol. 24 (1), pp. 13–33.

Semyonov M., Raijman R., Gorodzeisky A. 2006. The Rise of Anti-foreigner Sentiment in European Societies, 1988–2000 // American Sociological Review, vol. 71 (3), pp. 426–49. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240607100304>

Sidanius J. 1993. The psychology of group conflict and the dynamics of oppression: A social dominance perspective. Ed. by S. Iyengar, W. J. McGuire. Durham, NC: Duke University Press, pp. 183–219.

Wilkes R., Guppy N., Farris L. 2008. No Thanks, We're Full: Individual Characteristics, National Context, and Changing Attitudes toward Immigration // International Migration Review, vol. 42 (2), pp. 302–329. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2008.00126.x

Статья поступила 27.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мастикова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, доцент ГАУГН, Москва, Россия
Фадеев Павел Васильевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, преподаватель ГАУГН, Москва, Россия.

DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

Who is Set Against Migrants in Russia? Analyzing Certain Socio-Demographic Characteristics

Natalia S. Mastikova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: navor@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-8859-6803

Pavel V. Fadeev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: erving45@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5767-0329

For citation: Mastikova N. S., Fadeev P. V. Who is set against migrants in Russia? Analyzing certain socio-demographic characteristics. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 99–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.681

Abstract. This article analyzes the connection between the socio-demographic characteristics (gender, age, education level, type of settlement, marital status) and attitudes towards migrants of the Russian people. The authors point out that, throughout the course of a decade (2006–2016), over 60% of respondents were negatively assessing the changes occurring in our country due to immigrant presence, which actualizes the need to study the group which bears the utmost negative attitude, with it being considered a latent threat to the stability of society.

Based on analyzing contemporary scientific research, we know that in most studies socio-demographic variables are used in regression models, though they are introduced into equations with no initial theoretical assumptions – so any results attained are not discussed, but merely acknowledged. Thus, we have identified that the results of studies of the connection between socio-demographic characteristics and respondents' attitudes towards migrants are controversial and largely dependent on factors of context (such as the country under examination, its cultural and historical specifics).

Based on data from the European social survey (2018), while using a decision tree technique (CHAID), the connection between socio-demographic characteristics and attitudes towards migrants is analyzed with the goal of determining those groups of Russians that hold the most contempt for migrants. As it turns out, such a group is represented by women aged 60–69 with basic secondary education, residing in large cities or their suburbs. An assumption is made about this group of the population possibly being influenced by mass media, which is escalating an “immigration panic”.

Overall the analysis shows that the connection between socio-demographic characteristics and attitudes towards migrants is not a constant pattern. The results and vector of this connection change depending on the year when the study was conducted, on the context, the political situation, as well as other factors. The only exception being the connection between education level and attitude towards immigrants: in all of the examined studies a high level of education was invariably associated with a positive attitude towards migrants. In conclusion, the potential of qualitative methods was assessed – them being a viable option for further studying the topic – as well as the media's role in shaping the image of immigrants in the public mind.

Keywords: sociology, immigrants, European social research, socio-demographic characteristics, decision tree method, CHAID, attitude towards immigrants, context factor, mass media

References

Adorno T.W., Frankel-Brunswik E., Levinson D., Sanford N.R. The Authoritarian Personality. New York: Harper, 1950: 229.

Amuedo-Dorantes C., Puttitanun T. Gender Differences in Native Preferences toward Undocumented and Legal Immigration: Evidence from San Diego. *Contemporary Economic Policy*, 2011: Vol. 29: 1: 31–45. DOI: [10.1111/j.1465-7287.2010.00210.x](https://doi.org/10.1111/j.1465-7287.2010.00210.x)

Berg J.A. Race, Class, Gender, and Social Space: Using an Intersectional Approach to Study Immigration Attitudes. *Sociological Quarterly*, 2010: Vol. 51: 2: 278–302. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2010.01172.x>

Bessudnov A. Ethic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*, 2015: Vol. 32: 5: 567–580. DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jcw002>

Betz H.G. *Radical Right-Wing Popularism in Western Europe*. London: Macmillan, 1994: 226.

Burns P., Gimpel J.G. Economic Insecurity, Prejudicial Stereotypes, and Public Opinion on Immigration Policy. *Political Science Quarterly*, 2000: Vol. 115: 2: 201–225. DOI: <https://doi.org/10.2307/2657900>

Butkus M., Davidaviciene V., Maciulyte-Sniukiene A., Matuzeviciute K. Society's Attitudwes Toward Immigration: Case of EU Countries. *Marketing and Management of Innovations*, 2019: 1: 338–352. DOI: <http://doi.org/10.21272/mmi.2018.1-26>

Ceobanu A.M., Escandell X. East Is West? National Feelings and Anti-immigrant Sentiment in Europe. *Social Science Research*, 2008: Vol. 37: 4: 1147–1170. DOI: [10.1016/j.ssresearch.2008.01.002](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2008.01.002)

Coenders M., Scheepers P. The effect of education on nationalism and ethnic exclusionism: An international comparison. *Political Psychology*, 2003: vol. 24: 2: 313–343. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/0162-895X.00330>

Côté R., Erickson B.H. Untangling the Roots of Tolerance: How Forms of Social Capital Shape Attitudes Toward Ethnic Minorities and Immigrant. *American behavioral scientist*, 2009: Vol. 52: 12: 1664–1689. DOI: [10.1177/0002764209331532](https://doi.org/10.1177/0002764209331532)

Ethnicity and interethnic relations in a social context. Ed. by L.M. Drobizheva, S.V. Ryzhova. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 126 (In Russ.)

Fons J.R., Van de Vijver, Breugelmans S.M, Schalk-Soekar S.R.G. Multiculturalism: construct validity and stability. *International Journal of Intercultural Relations*, 2008: Vol. 23: 2: 93–104. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.ijintrel.2007.11.001>

Gorodzeisky A. Who Are the Europeans That Europeans Prefer? Economic Conditions and Exclusionary Views toward European Immigrants. *International Journal of Comparative Sociology*, 2011: vol. 52: 1–2: 100–113. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00024>

Gorodzeisky A., Semyonov M. Terms of Exclusion: Public Views towards Admission and Allocation of Rights to Immigrants in European Countries. *Ethnic and Racial Studies*, 2009: vol. 32: 3: 401–423. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870802245851>

Gorodzeisky A., Semyonov M. Unwelcome Immigrants: Sources of Opposition to Different Immigrant Groups Among Europeans. *Frontiers in Sociology*, 2019: 4 (24). DOI: 10.3389/fsoc.2019.00024

Gruzdev A.V. Predictive modeling in IBM SPSS Statistic and R: The decision tree method, Moscow, DMK Press, 2016: 276 (In Russ.).

Hainmueller J., Hiscox M.J. Educated Preferences: Explaining Attitudes toward Immigration in Europe. *International Organization*, 2007: 61: 399–442. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-102512-194818>

Hainmueller J., Hopkins D.J. Public Attitudes Toward Immigration. *Annual Review of Political Science*, 2014: 17: 225–249.

Herrera Y.M., Butkovich Kraus N.M. Pride Versus Prejudice: Ethnicity, National Identity, and Xenophobia in Russia. *Comparative Politics*, 2016: 48 (3): 293–315. DOI: 10.5129/001041516818254365

Herreros F., Criado H. Social Trust, Social Capital and Perceptions of Immigration. *Political Studies*, 2009: 57 (2): 337–355. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00738.x>

Hjerm M. Anti-immigrant attitudes and cross-municipal variation in the proportion of immigrants. *Acta Sociologica*, 2009: Vol. 52: 1: 47–62. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0001699308100633>

Hjerm M. Education, Xenophobia and Nationalism: A Comparative Analysis. *Journal of Ethnic Migration Studies*, 2001: Vol. 27: 1: 37–60. DOI: 10.1080/13691830124482

Huijnk W., Verkuyten M., Coenders M. Intermarriage Attitude among Ethnic Minority and Majority Groups in the Netherlands: The Role of Family Relations and Immigrant Characteristics. *Journal of Comparative Family Studies*, 2010: Vol. 41: 3: 289–414. DOI: [10.3138/jcfs.41.3.389](https://doi.org/10.3138/jcfs.41.3.389)

Karreth J., Singh S.P., Stojek S.M. Explaining Attitudes toward Immigration: The Role of Regional Context and Individual Predispositions. *West European Politics*, 2015: 2382: 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2015.1022039>

Kass G.V. An exploratory technique for investigation large quantities of categorical data. *Applied Statistics*. 1980: Vol. 29: 2: 119–127.

Konstantinov V.V., Osin R.V. Peculiarities of attitude towards in conditions of media influence. *Izvestiya Saratovskogo universiteta = Bulletin of the Saratov University*, 2014: 1: 53–57 (In Russ.).

Kuran T., McCaffery E.J. Sex Differences in the Acceptability of Discrimination. *Political Research Quarterly*, 2008: Vol. 61: 2: 228–238. DOI:10.1177/1065912907304500

Kuznecov I.M. The balance of interethnic attitudes as an indicator of the state of interethnic relations. *Mir Rossii = The Universe of Russia*, 2017: vol. 26: 1: 58–80 (In Russ.).

Lancee B., Sarrasin O. Educated Preferences or Selection Effects? A Longitudinal Analysis of the Impact of Educational Attainment on Attitudes Towards Immigrants. *European Sociological Review*, 2015: vol. 31: 4: 490–501. DOI:10.1093/esr/jcv008

Leong C.H., Ward C. Cultural values and attitudes toward immigrants and multiculturalism: The case of the Eurobarometer survey on racism and xenophobia. *International Journal of Intercultural Relations*, 2006: vol. 30: 6: 799–810. DOI:10.1016/j.ijintrel.2006.07.001

Mastikova N.S. Changes brought by migrants and their assessment by Russians (according to the European Social Survey). *Obschestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*, 2019: Vol. 2: 160–169 (In Russ.). DOI 10.31857/S086904990004341-7

Mayda A.M. Who is against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants. *Review of Economics and Statistics*, 2006: vol. 88: 3: 510–530

Mukomel V.I. Xenophobes and their antipodes, who are they? *Mir Rossii = The Universe of Russia*, 2017: vol. 1: 32–57 (In Russ.).

O'Rourke K., Sinnott R. The Determinants of Individual Attitudes Towards Immigration. *European Journal of Political Economy*, 2006: vol. 22: 838–861. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2005.10.005

Paas T., Demidova O. How People Perceive Immigrants' Role in Their Country's Life: a Comparative Study of Estonia and Russia. *Eastern Journal of European Studies*, 2014: Vol. 5: 2: 117–138

Paas T., Halapuu V. Attitudes Towards Immigrants and the Integration of Ethnically Diverse societies. *Eastern Journal of European Studies*, 2012: Vol. 3: 2: 161–176

Paas T., Halapuu V. Determinants of people's attitudes towards immigrants in Europe. University of Tartu Faculty of Economics and Business Administration Working Paper Series, 2012: 88: 3–18

Pichler F. Foundations of Anti-Immigrant Sentiment: The Variable Nature of Perceived Group Threat across Changing European Societies, 2002–2006. *International Journal of Comparative Sociology*, 2010: Vol. 51: 6: 445–469. DOI: [10.1177%2F0020715210379456](https://doi.org/10.1177%2F0020715210379456)

Ponce A. Gender and Anti-immigrant Attitudes in Europe. *Socius: Sociological Research for a Dynamics*, 2017: 3: 1–17. DOI: [10.1177%2F2378023117729970](https://doi.org/10.1177%2F2378023117729970)

Rokeach M. A theory of organization and change within value-attitude systems. *Journal of Social Issues*, 1968: Vol. 24: 1: 13–33

Semyonov M., Raijman R., Gorodzeisky A. The Rise of Anti-foreigner Sentiment in European Societies, 1988 – 2000. *American Sociological Review*, 2006: Vol. 71: 3: 426–449. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F000312240607100304>

Sidanius J. The psychology of group conflict and the dynamics of oppression: A social dominance perspective. Ed. by S. Iyengar, W.J. McGuire. Durham, NC: Duke University Press, 1993: 183–219

Social factors of interethnic tension in Russia. Ed. by Y.B. Epihina, M.F. Chernysh. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 336 (In Russ.).

Tatarko A.N. The role of the perceived threat in relation to Muscovites to migrants. In: *Strategies for intercultural interaction between migrants and the population of Russia*. Ed. by N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko Moscow, RUPF publ., 2009: 420 (In Russ.).

Wilkes R., Guppy N., Farris L. No Thanks, We're Full: Individual Characteristics, National Context, and Changing Attitudes toward Immigration. *International Migration Review*, 2008: Vol. 42: 2: 302–329. DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00126.x

The article was submitted on: June 27.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mastikova Natalya Sergeevna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Research fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Assistant Professor, SAUH, Moscow, Russia

Fadeev Pavel Vasilievich, Candidate of Sociological Sciences, Research fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Senior Lecturer, SAUH, Moscow, Russia